

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1995 г. Я.Г. ТЕСТЕЛЕЦ

И.Ш. КОЗИНСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

1970-х – 1990-х годов

Научные результаты, полученные И.Ш. Козинским (1947 – 1992), позволяют отнести его к числу наиболее выдающихся лингвистов-типологов последних десятилетий. Уже в конце 1970-х гг., когда он начал публиковать в виде докладов и статей результаты своей работы, многим было ясно, что – это лингвист исключительного масштаба. Однако в конце концов все решает время, и часто бывает необходимо увидеть, в каком направлении пойдет развитие данной области науки.

Известно, что с 1970-х гг. резко ускорилось развитие типологии, получившей мощный стимул от открытий в области теоретической лингвистики и беспрецедентного расширения эмпирической базы – появления полноценных соизмеримых описаний сотен языков, материал которых был ранее недоступен типологам. Достаточно напомнить, что тогда с первыми своими значительными работами по типологии выступили С. Андерсон, Т. Гивон, Р. Диксон, Э. Кинэн, А.Е. Кибрик, Г.А. Климов, Б. Комри, были созданы типологически ориентированные теоретические модели: “реляционная грамматика” Д. Перлмуттера и П. Постала и “референциально-ролевая грамматика” Р. Ван Валина и У. Фоли; ленинградская типологическая школа в те годы создала или опубликовала свои наиболее значительные произведения. К этому же ряду относятся и исследования И.Ш. Козинского.

За недолгую жизнь ему удалось внести значительный вклад в разработку трех больших тем. Это, во-первых, неопубликованная до сих пор кандидатская диссертация “Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений” [1], законченная в 1979 г. и защищенная в 1980 г. на филологическом факультете МГУ. Во-вторых, большая статья “О категории “подлежащее” в русском языке”, опубликованная в виде препринта в 1983 г. [2], – по целям, методам и выводам исследования она в той же мере относится к типологии, как и к русистике. Обе эти работы, на мой взгляд, можно считать образцовыми в том, что касается последовательности и отточенности метода, – в них автору удалось довести до совершенства традиционную таксономическую типологию. Последняя, третья область исследования – работы по результативу и различным залоговым конструкциям [3–6], относящиеся к середине 1980-х гг.

1. Эмпирические универсалии: проблемы метода. Сегодня уже можно с уверенностью сказать, что диссертация Козинского [1] – классическое произведение в области лингвистики универсалий. В ней автору удалось гармонически соединить два, казалось бы, противоположных методологических принципа.

Первый принцип, восходящий к исследовательской практике Дж. Гринберга, сформулирован в диссертации следующим образом: “Основные категории и понятия общего языкознания, выработанные главным образом на материале индоевропейских языков (“фонема”, “слово”, “часть речи”, “член предложения”), достаточно адекватны для описания многих других языков мира [1, с. 10]”; “Отсутствие универсальных опре-

делений лингвистических признаков **отнодь** не означает, что эти определения вообще невозможно дать, а опыт **показывает**, что когда такие определения разработаны, то даваемые ими результаты **очень** хорошо согласуются с практикой обозначения некоторых явлений в разных языках одними и теми же терминами на интуитивной основе... В связи с этим некритическое использование данных грамматических описаний... можно считать вполне допустимым и, на практике, единственно возможным для большинства случаев [1, с. 31–32]”.

Перед нами – важнейшее исходное допущение любой работы, которая оперирует материалами большой выборки языков – настолько большой, что исследователь вынужден в значительной части опираться на чужие данные, которые он не в состоянии проверить. Отметим, что в 1970-е гг., вследствие бурного развития грамматической теории, основанный на таком допущении метод Дж. Гринберга утратил популярность и многим казался наивным и устаревшим. К тому времени была обнаружена неоднозначность традиционных грамматических понятий и неадекватность их по отношению ко многим языкам. Успех порождающей грамматики с ее разграничением “глубинной” и “поверхностной” структур и сложной нетрадиционной аргументацией подорвал доверие к данным таксономических (т.е. классификационных) описаний.

Однако с конца 1980-х годов ряд крупных успехов, достигнутых в рамках гринберговского подхода, показали его огромные перспективы, верно угаданные И.Ш. Козинским, а равно и возможность объяснения индуктивных универсалий с позиций современной грамматической теории. Я имею в виду прежде всего решение важнейшей задачи, поставленной еще самим Дж. Гринбергом – создание такого обобщения на множестве универсалий порядка слов, которое бы свело бы к минимуму количество типов и одновременно дало бы единое объяснение всем или почти всем известным “гармонирующим” корреляциям. После ряда попыток, предпринятых разными исследователями, эта задача получила наконец убедительное и ныне, можно сказать, общепризнанное решение в работах М. Драйера [7; 8] и Дж. Хокинса [9], причем Хокинсу удалось связать в единую теорию наблюдаемые факты универсалий, процессов грамматикализации и синхронных неграмматических предпочтений в области порядка слов. Можно упомянуть еще важное открытие, сделанное Дж. Николс [10] в рамках того же гринберговского подхода: разграничения языков с маркированием вершины (head-marking) и маркированием зависимого (dependent-marking), а также работу Дж. Байби [11], посвященную выявлению индуктивных универсалий в области морфологических категорий.

Второй принцип, восходящий к работам первых советских структуралистов в конце 1950-х гг., выглядит как несовместимый с предыдущим: традиционные грамматические понятия многозначны и нуждаются в уточнении, которое достигается с помощью формального моделирования: например, термину “слово” ставится в соответствие столько моделей его употребления, сколько разных значений у него целесообразно выделить. Так, в диссертации Козинского были разработаны универсальные формальные определения понятий подлежащего, различных дополнений, переходного и непереходного глаголов, действительного и страдательного залога; образцом здесь служило моделирование грамматических категорий, ранее осуществленное А.А. Зализняком, А.В. Гладким и И.И. Ревзиным (см. в особенности [12]).

Напомним, что целью грамматического моделирования является экспликация содержания традиционных терминов. При этом предполагается, что разные исследователи, работая с разным материалом, называют этими терминами одинаковые или сходные явления. Если даже исследователь русского языка и исследователь, скажем, языка кечуа не могут дать достаточно строгого определения, что такое “падеж”, они оба, опираясь на свою интуицию, обозначают этим термином одинаковые или сходные явления в обоих языках. Такая общая интуиция и создает основу для соизмеримости грамматических описаний. Она может быть раскрыта и формализована в универсальной модели данного грамматического понятия.

Приведем лишь один конкретный пример. Основываясь на презумпции доверия к

авторам описательных грамматик, И.Ш. Козинский устанавливает количественные распределения основных гринберговских типов порядка слов. Оказывается, что языков с порядком OSV (Дополнение–Подлежащее–Глагол) обнаруживается в выборке И.Ш. Козинского только 2 (в выборке Дж. Гринберга таких языков не нашлось вовсе). Это австралийский язык дирбал и, предположительно, хурритский язык (впоследствии обнаружили некоторые другие возможные кандидаты; наиболее полный анализ проблемы OSV см. у М.С. Полинской [13, 14]). Затем, применяя предложенные им строгие универсальные определения подлежащего и пассива, И.Ш. Козинский показал, что в соответствии с этими определениями предложения с порядком слов OSV в дирбале и, скорее всего, в хурритском являются пассивными конструкциями, – следовательно, не свидетельствуют об основном порядке слов и не противоречат выявленной универсалии об отсутствии языков OSV.

Особое значение имеет разработка И.Ш. Козинским проблемы статистической верификации эмпирических универсалий. Интересно, что, в отличие, например, от антропологии или социологии в лингвистике универсалий даже простейшие статистические критерии долгое время не применялись, да и сейчас применяются крайне редко (единственное заметное исключение представляют работы Дж. Николс [10]).

И.Ш. Козинский показал, что традиционное деление универсалий на абсолютные и статистические [15; 16], или, как еще иногда говорят, универсалии и фреквенталии [17], является чистойшей иллюзией. До него считалось, что если в некоторой достаточно репрезентативной выборке исключений нет, то налицо большая вероятность того, что перед нами – абсолютная универсалия, т.е. эмпирическим путем найденное утверждение, верное для всех языков. Этому взгляду И.Ш. Козинский противопоставляет следующее простейшее рассуждение.

Возьмем достаточно представительную случайную выборку из 100 языков. Если некоторый лингвистический признак X обнаружен во всех языках этой выборки, мы можем предложить универсалию “Во всех языках есть X”. Вероятность того, что эта универсалия “абсолютна” в традиционном смысле слова, т.е. того, что не существует ни одного языка за пределами выборки, в котором нет явления X, будет ничтожно мала.

В самом деле, предположим, что размер генеральной совокупности, т.е. множества всех языков Земли составляет 5000 (выводы не изменятся, если мы примем объем этого множества за 1000, 2000 или 20 000). Допустим, что в генеральной совокупности имеется один язык, не обладающий признаком X, который, в силу определения “абсолютной” универсалии, делает ее неправильной. Вероятность того, что этот язык-исключение попадет в нашу выборку из 100 языков, равна $100/5000 = 0,02$, “то есть надежность нашей универсалии (в такой формулировке) равна всего 2%! Легко видеть, что получить мало-мальски приемлемую надежность в 90% для подобной универсалии можно только включением в выборку 90% всех языков – задача явно утопическая” [1, с. 15].

Итак, единственный вид эмпирических универсальных обобщений, реально доступный исследователю, который не имеет возможности просмотреть данные о всех языках Земли или хотя бы большей их части – статистические то есть имеющие форму: “в подавляющем большинстве, например, в 90% всех языков, есть X”.

И.Ш. Козинский предложил использовать для расчета достоверности корреляционных универсалий, т.е. утверждений о том, что некоторые два признака X и Y связаны друг с другом неслучайным образом, стандартную статистическую методику. Эта методика может применяться, если ожидаемые количества языков с некоторым сочетанием признаков не меньше 3, а объем выборки не меньше 20. Факт наличия неслучайной корреляции между любыми двумя признаками X и Y и ее надежность определялись им с помощью χ^2 -критерия; затем определялась логическая форма корреляции, т.е. зависит ли X от Y-а или Y от X-а или они оба взаимозависимы (подробности см. в статье [18]).

Козинский предложил блестящую в методическом отношении трактовку исключе-

ний к лингвистическим универсалиям. Важно не то, что исключений много или мало, а то, чтобы их количество не превышало расчетной величины, ограничивающей уровень значимости, т.е. надежность универсалии. Наибольший интерес для исследователя представляют систематические, или неслучайные, исключения, вызванные возмущающими факторами. Возмущающий фактор – это некоторый лингвистический признак F , наличие которого в языках может нарушать (хотя и не обязательно нарушает) некоторую универсалию U . При этом чем больше исключений, вызванных F , обнаруживается для универсалии U , тем легче обнаружить этот возмущающий фактор, “поэтому не должна казаться парадоксальной рекомендация, что коль скоро к некоторой универсалии обнаружены исключения, ее формулировку и определения соответствующих лингвистических признаков следует подбирать так, чтобы число исключений было по возможности большим (разумеется, если универсалия при этом сохраняет требуемую надежность). После этого достаточно проверить статистическую надежность корреляции вида $U \vee F$ [$\vee$ – знак инклюзивной дизъюнкции. – Я.Т.]. Если корреляция подтверждается, F и есть искомый возмущающий фактор” [1, с. 34].

Эффективность предложенного метода автор демонстрирует на следующем примере. В языках, имеющих субъектное и объектное спряжение, аффиксы согласования глагола с подлежащим и прямым дополнением могут предшествовать глагольному корню (схематически – $p\text{-}\Gamma$, $d\text{-}\Gamma$) или следовать за ним ($\Gamma\text{-}p$, $\Gamma\text{-}d$). Зададимся вопросом, связаны ли между собой два признака: наличие форм вида $p\text{-}\Gamma$ и наличие форм вида $d\text{-}\Gamma$ в словоизменительной глагольной парадигме. И.Ш. Козинский составил выборку из 120 языков, имеющих субъектно-объектное спряжение. Из них 68 языков обладают хотя бы одной формой вида $d\text{-}\Gamma$ и 79 языков – хотя бы одной формой вида $p\text{-}\Gamma$. Расчет ожидаемых количеств языков в предположении независимости этих признаков показывает, что наиболее вероятное количество языков, обладающих одновременно формами $d\text{-}\Gamma$ и $p\text{-}\Gamma$ равно 45. В действительности в выборке оказалось 57 языков с формами $d\text{-}\Gamma$ и $p\text{-}\Gamma$, т.е. на 12 больше ожидаемого количества. Достаточно ли этой разницы для того, чтобы отвергнуть гипотезу о независимости признаков и принять гипотезу о наличии корреляции между ними? Проверка с помощью χ^2 -критерия показывает, что здесь действительно с вероятностью 99% имеет место положительная корреляция между обоими признаками. Затем с помощью критерия Макнимара [19] устанавливается логическая форма корреляции – эквиваленция. Эту эквиваленцию удобно сформулировать в виде двух противоположно направленных импликаций, т.к. в таком случае в списке исключений к каждой из них будут языки с одним и тем же сочетанием признаков: Универсалия 87 и Универсалия 88 (см. ниже публикацию отрывка “Корреляция между порядком аффиксов глагольного спряжения и порядком слов в языках”). Обе универсалии статистически достоверны, несмотря на большое число исключений. Более того, исключения помогают выявить возмущающий фактор: для универсалии 87 это – основной порядок слов с глаголом в конце предложения, а для универсалии 88 – наоборот, тип основного порядка с начальным положением глагола. В результате становится возможным сформулировать и верифицировать аналогичным образом еще две универсалии – 89 и 90 (см. подробнее там же).

И.Ш. Козинский предложил также простые и эффективные методы верификации универсалий с целью исключения внешних факторов, обусловленных ареальной или генетической близостью языков. Обычно подобные “ареальные корреляции” обнаруживаются в неравномерных выборках, где представлено слишком много языков из некоторого ареала (аналогичная трудность в этнографии известна под названием “проблемы Гальтона”, см., например, [20]). “Если по крайней мере один из признаков не встречается за пределами небольшой географической зоны, то следует выделить... несколько более широкий ареал, в который входила бы данная зона... После этого из данного расширенного ареала (и только из него) отбирается новая выборка языков достаточного объема, чтобы туда вошли все или хотя бы большинство языков с изучаемыми “подозрительными” признаками, и на этой выборке производится новая статистическая проверка “подозрительной” корреляции. Если при этом корреляция

оказывается статистически значимой, она признается универсалией несмотря на свой ареальный характер” [1, 39]. Этот прием позволяет отбросить малоинтересные корреляции – например, о связи бедности фонологической системы с двойственным числом и сохранить ценные – например, о связи морфосиллабизма с фонологическими тонами.

Предложенный Козинским метод “борьбы” с ареальными возмущающими факторами представляет сейчас огромный интерес в связи с проблемой “больших ареалов”, обнаруженной М. Драйером [21]. Драйеру удалось доказать, что ряд значений важных типологических признаков неслучайным образом связан с ареалами, которые равны целым континентам (например, постпозиция всех видов определений в языках различных семей Африки; препозиция прилагательных в языках с конечным положением глагола – яркая черта Евразии и т.п.). Излишне говорить, какие дополнительные трудности создает этот фактор для верификации универсалий.

Драйер начинает с того, что делит все языки на генетические “группы” (genera), приблизительно равные по степени расхождения индоевропейским группам: славянской, германской и т.п.; из каждой такой группы он допускает в свою выборку не более одного языка. Затем он проверяет универсалию отдельно для каждого большого ареала, коих насчитывает пять (Северная Америка, Южная Америка, Африка, Евразия и Австралия с Океанией), и лишь исходя из общей картины принимает окончательное решение. В отличие от Драйера, Р. Перкинс [22] предложил использовать не априорную стратификацию выборки, а обосновывать ее членение статистически, измеряя зависимость лингвистических переменных от генетических и ареальных. При этом для каждого исследуемого явления оптимальный размер выборки различен и варьирует от десятков до сотен языков. Группа голландских исследователей (Я. Рейхофф, Д. Баккер, К. Хенгвелд и П. Карель [23]) предлагают метод расчета степени расхождения (diversity value), с помощью которого можно определить, какое число генетически родственных языков может быть включено в выборку требуемой величины.

Задолго до появления этих работ Козинский показал ненужность таких громоздких и трудоемких процедур по составлению оптимальной расчлененной выборки – репрезентативной и в то же время содержащей только независимые элементы. Вместо этого он предложил учитывать ареальные и генетические отклонения в “обычных” нерасчлененных выборках. Его метод здесь явно выигрывает в гибкости и простоте: для верификации универсалии может оказаться достаточным двадцать любых наугад (т.е. из хорошо “перемешанного” множества) взятых языков, и столько же – для проверки любого ареала или семьи, где обнаруживаются какие-то специфические корреляции; в общем случае, нет необходимости проверять все семьи и ареалы.

Завершая раздел, посвященный вопросам метода, И.Ш. Козинский замечает, что попытки механически инкорпорировать индуктивные универсалии в теорию языка вызвано иллюзорным разделением их на “полные” и “неполные”, в то время как в действительности они все являются неполными, статистическими по своей природе, утверждениями, исходным материалом для теории, который не может заменить саму теорию.

В заключение отметим, что И.Ш. Козинский был, вероятно, последним крупным специалистом в области лингвистики универсалий, не имевшим доступа к компьютеру и проделавшим всю работу вручную.

2. Типология предикативной конструкции. В [1] И.Ш. Козинский принял за основу предложенную незадолго до того А.Е. Кибриком [24] классификацию “конструкций предложения”, т.е. стандартных способов выражения основных семантических и синтаксических функций актантов при различных типах глагола-сказуемого. А.Е. Кибрик установил, что такая классификация может быть задана с помощью исчисления, в основу которого положены семантические роли. И.Ш. Козинский реинтерпретировал ее в терминах разработанной им системы универсальных понятий, включающей различные виды подлежащих и дополнений (см. подробнее ниже). Затем он обратился

к проблеме распределения в одном и том же языке различных типологических характеристик, прежде всего, эргативности и аккузативности (= номинативности), которая как раз в те годы стала одной из наиболее широко обсуждаемых тем в синтаксической типологии [25–28]. То, что не все логически возможные сочетания признаков эргативности и аккузативности реально представлены в языках мира, было известно и раньше, однако универсальные ограничения на подобные сочетания были сформулированы лишь в конце 1970-х годов, причем та версия этих ограничений, которую предложил И.Ш. Козинский, до сих пор остается одной из самых полных и точных. Рассматривая кодирующие возможности различных формальных средств, он установил классификацию “тактических” конструкций, т.е. использующих порядок слов для различения актантов (к аналогичным результатам независимо пришел и Р. Диксон [27]).

И.Ш. Козинский обнаружил, что понятие падежа в его традиционной форме непродуктивно в лингвистике универсалий. Вместо этого он предложил понятие “синтаксической формы” – к одной и той же синтаксической форме относятся все сегменты, которые имеют одинаковый набор выполняемых ими синтаксических функций. Под “сегментами” имеются в виду существительные или местоимения, снабженные грамматическими или полуграмматическими показателями синтаксической функции. Отождествление синтаксических форм осуществляется с помощью синтаксической матрицы, в которой помечается способность или неспособность данного сегмента выступать в синтаксических функциях, относящихся к некоторому фиксированному набору (в данном случае – подлежащего при переходных и непереходных глаголах, а также в страдательном залоге, и прямого дополнения)¹. В том же направлении двигалась и англоязычная типология, введя, впрочем, не столь четко и последовательно, различие терминов *case* и *case marking* [30]. Так, типологически значим, например, тот факт, что в русском языке часть неодушевленных существительных не различает форм именительного и винительного падежей. В соответствии с общепринятым пониманием термина “падеж (*case*)” это две разные, хотя и омонимичные, падежные формы, но одна и та же “синтаксическая форма (*case marking*)”. Большинство универсалий, относящихся к падежам, апеллируют именно к понятию “синтаксической формы”, а не падежа в традиционном смысле².

И.Ш. Козинскому удалось независимо от М. Сильверстейна [33], и притом несравненно точнее, сформулировать основные импликационные универсалии, связывающие распределение эргативных и аккузативных синтаксических форм с лексическими и референциальными признаками имен [34]. “Для противопоставления СФ [синтаксической формы. – Я.Т.] аккузатива/СФ номинатива местоимения 3-его лица ведут себя так же, как местоимения 1-ого и 2-ого лица, но не так, как существительные. По частоте наличия данного противопоставления можно составить следующий ряд (в порядке убывания): местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица, личные имена, существи-

¹ Синтаксические матрицы Козинского не представляют собой чего-то содержательно оригинального: это всего лишь удачная формализация наиболее важной из характеристик, на которых основываются традиционные определения конструкций предложения: эргативной, аккузативной и активной. Ср. с этим действительно оригинальную позицию И.А. Мельчука [29], предложившего другой набор характеристик, в результате чего эргативными оказываются и некоторые конструкции, традиционно не считавшиеся таковыми.

² Внимание на это обратил и И.А. Мельчук, указавший, что недопустимо смешивать понятия “падеж” и “падежная форма” [29, с. 79]; дело, однако, именно в том, что в типологии чаще бывает полезно применять второе понятие, а не первое. Рассматривая данные языка дирбал, И.А. Мельчук выделяет в нем не эргативную (по Р. Диксону) и не пассивную (по И.Ш. Козинскому и Дж. Джейк), а особую “патетивную” конструкцию, основываясь, в частности, на том, что пациенс в этой конструкции выражается падежом, отличным от падежа единственного актанта непереходного глагола (формальное различие между ними имеет место только у местоимений, имен собственных и некоторых терминов родства); ясно, что здесь имеется в виду падеж, а не “падежная форма” [31; 32]. “Патетив” И.А. Мельчука – ценное новшество, заимствованное и И.Ш. Козинским, который выделял “патетивную синтаксическую форму” (т.е. особую у подлежащего страдательного залога).

тельные, обозначающие людей, существительные, обозначающие животных, прочие существительные. Для противопоставления СФ эргатива/СФ номинатива четкое различие наблюдается только между местоимениями 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и всеми прочими словами – с другой, причем местоимения 3-го лица включаются в последнюю категорию” [1, с. 148]. Интересно, что, пытаясь найти объяснение для этой группы универсалий, Козинский пошел по тому же – на мой взгляд, совершенно бесперспективному – пути, по которому пошли независимо от него сам М. Сильверстейн [33], а также Б. Комри, Р. Диксон [27] и А. Вежбицка [28] (их работы были частью неопубликованы и частью недоступны ему к моменту завершения диссертации, кроме статьи [35], которую он успел учесть). Как и перечисленные авторы, он исходил из представления о маркированности эргатива и аккузатива³; морфологическая маркированность может противоречить семантической немаркированности личных местоимений в типично тематической позиции подлежащего при переходном глаголе, и поэтому во многих языках личные местоимения не имеют СФ эргатива. Наоборот, семантическая маркированность личных местоимений в нетипичной для них роли прямого дополнения соответствует морфологической маркированности СФ аккузатива: поэтому-то личные местоимения часто обладают особой формой аккузатива даже в тех языках, где эта форма отсутствует у существительных.

Гипотеза соответствия семантической и формальной маркированности разбивается, однако, о тот факт, что за пределами этой группы категорий ничего подобного не происходит: неверно, что названия типичных инструментов бывают чаще немаркированы в инструментальном падеже; названия типичных ориентиров не проявляют тенденции быть немаркированными в синтаксических формах с локативной функцией; предельные глаголы не бывают чаще немаркированы в совершенном виде, чем непредельные; имена собственные не обнаруживают тенденции принимать нулевое окончание в вокативе и т.д. И.Ш. Козинский отметил, впрочем, что, вопреки ожидаемому в соответствии с предложенной гипотезой, одушевленные существительные совсем не проявляют тех же универсальных свойств, что и личные местоимения. Слабое место гипотезы Сильверстейна – Комри – Козинского было указано точно: через несколько лет Г. Мэллинсон и Б. Блейк [36], подсчитав частотность употребления лексических классов имен в функции агенса и пациенса, обнаружили, что единственное серьезное различие обнаруживается как раз между одушевленными и неодушевленными, а не между местоимениями и существительными, чем, по-видимому, окончательно “похоронили” эту гипотезу.

После сенсационной публикации Р. Диксоном в 1972 г. описания австралийского языка дирбал [37] интерпретация его синтаксического строя превратилась в особую проблему эргативистики, породившую большую литературу. Одна из гипотез, высказанных по поводу дирбала и заключающаяся в том, что это – язык с маркированной активной аккузативной конструкцией и необычно высокой употребительностью пассива, именуется в англоязычной литературе “гипотезой Джейк”, по имени Дж. Джейк, высказавшей ее в 1978 г. [38]. Однако она с не меньшим основанием может называться “гипотезой Козинского”, который выдвинул ее в своей диссертации независимо от Джейк и более тщательно аргументировал (опубликовано в [39])⁴.

3. Универсалии, связанные с порядком значимых элементов. С проблематикой по-

³ В отличие от них, он эту идею выдвинул не в качестве допущения, а попытался ее обосновать, выдвигнув и верифицировав две универсалии: первая гласит, что если у существительных имеется СФ аккузатива, то по крайней мере часть ее алломорфов – ненулевые (исключения – языки майту, сомали, юма); вторая – что если у существительных есть СФ эргатива, то по крайней мере часть ее алломорфов – ненулевые (исключений не обнаружено) [1, с. 151].

⁴ Вывод, к которому приходят Джейк и Козинский, а именно то, что дирбал по своему синтаксическому строю принципиально не отличается, например, от русского языка, сам по себе настолько парадоксален и противоречит интуиции, что может считаться аргументом против тех универсальных определений подлежащего и пассива, на которых он базируется. К сожалению, все “дирбалологические” дискуссии требуют довольно обстоятельных вводных разъяснений, на которые мне здесь просто не хватило бы места.

рядка элементов связаны наиболее значительные успехи "гринберговского" подхода в типологии, и здесь ряд заслуг принадлежит И.Ш. Козинскому. Ему удалось обосновать большое число универсалий, устанавливающих зависимости между различными последовательностями согласовательных аффиксов и глагольного корня (пример — универсалия 46: "Если в двухличной парадигме есть конструкция п-д-Г и д-Г-п, то в ней есть и конструкция п-Г-д" [1, с. 158]).

На выборке из 200 языков Козинскому удалось определить количественное распределение языков по основным типам словопорядка, не зависящее от генетических или ареальных факторов: 50% — языки SOV, 30% — языки SVO, 15% — VSO, 5% — VOS, вовсе не представлены — OSV и OVS. Он предположил, что в основном порядке не может нарушаться более одного из следующих трех принципов: 1) подлежащее предшествует прямому дополнению (выдвинут Дж. Гринбергом); 2) глагол-сказуемое и прямое дополнение располагаются контактно (этот же принцип был заново обоснован через 10 лет Р. Томлином [40]); 3) подлежащее и прямое дополнение располагаются контактно. Порядок принципов обуславливает количественное распределение языков по типам: в наиболее распространенном порядке не нарушается ни один из принципов, во втором по распространенности нарушается лишь третий, наименее значимый и т.д.

Количественное распределение типов основного порядка через несколько лет получило независимое подтверждение в работах Дж. Хокинса [41], М. Драйера [7], Дж. Николс, А. Северской [42] и других авторов, составивших свои репрезентативные выборки; интересно при этом, что некорректно составленная выборка Р. Томлина [40] обнаруживает другое распределение (см. критику Драйера [21]).

В заключение обратим внимание читателя на публикуемую ниже небольшую главу из [1], посвященную соотношениям между порядком слов и порядком частей словоформы, прежде всего корня и согласовательных аффиксов. В этой главе особо следует выделить открытые автором зависимости между начальным либо конечным положением глагола в предложении и порядком личных аффиксов и инкорпорированного имени, которые до сих пор ускользают от других исследователей, даже в лучших работах на эту тему [43–46], а также краткое методологическое введение.

4. Понятие подлежащего. И.Ш. Козинский резко противопоставил свою теорию подлежащего тем взглядам на эту категорию, которые были и остаются наиболее популярными в синтаксической типологии⁵. Подлежащее объявляется либо неопределяемым (primitive) универсальным синтаксическим понятием, либо рассматривается как многофакторная категория. В последнем случае "подлежащее" отождествляется с "грамматически привилегированным актантом", т.е. подлежащее — это такая именная группа, которая среди прочих именных групп обладает максимумом приоритетных свойств из некоторого универсального или специфического для данного языка набора (способность контролировать согласование с финитным глаголом, рефлексивизацию, кореферентное опущение, отпускать от себя кванторы, изменять форму при вставлении в матричное предложение и мн. др.) [47; 24]. Поскольку набор приоритетных свойств ("факторов") не полностью фиксирован, а варьирует от языка к языку и распределение этих свойств между различными актантами в каждом конкретном

⁵ В свою очередь, типологический подход к подлежащему явился реакцией на трактовку этой категории в порождающей грамматике. Как известно, в порождающей грамматике понятие подлежащего не имеет теоретического значения и полностью выводится из фразовой структуры: подлежащим называется та именная группа, над которой в дереве составляющих непосредственно доминирует узел предложения — S (в современных версиях этот узел называется "финитной группой" — IP). Поскольку именная группа подлежащего подчинена непосредственно самому высокому узлу в структуре предложения, она в силу этого обладает "структурным приоритетом" (с-command) над остальными именными группами. В последние годы утверждается также, что некоторые подлежащие в базовой структуре подчинены не непосредственно предложению (IP), а непосредственно глагольной группе (VP-internal subjects), однако и в составе глагольной группы подлежащим обычно называется та именная группа, которая обладает структурным приоритетом над всеми другими актантами глагола. В отличие от генеративистов, большинство типологов настаивает на том, что грамматические отношения, такие как подлежащее и дополнение, образуют особый уровень, промежуточный между конкретно-языковыми (формальными и функциональными) признаками актантов и их универсальными ролевыми характеристиками.

языке может быть самым причудливым и неожиданным, "подлежащность" (subjecthood) при многофакторном подходе рассматривается как многомерная шкала, а не как бинарный признак; во многих языках могут иметь место лишь "слабые" подлежащие, обладающие незначительным количеством приоритетных признаков, или же эта категория может вообще отсутствовать.

Многофакторный подход предполагает при этом, что в таких языках, как русский, где налицо явные приоритетные признаки типа контроля согласования, сочинительного сокращения и мн. др., подлежащее несомненно выделяется. В своей работе о русском подлежащем [2] И.Ш. Козинский задался целью показать, что многофакторный подход оказывается полностью беспомощным тогда, когда в расчет берутся не разрозненные факты и расплывчатые впечатления, а все релевантные признаки или хотя бы какая-то их существенная часть. Козинский стремится подвести читателя к неизбежному выводу: вряд ли найдется много языков, более "удобных" для многофакторного подхода к подлежащему, чем русский; следовательно, провал этого подхода по отношению к русскому материалу означает его полную неадекватность.

Козинский анализирует вначале свойства "прототипических" актантов: к таковым он причисляет подлежащее переходного глагола, непереходного глагола, глагола в страдательном залоге и прямое дополнение. "Эталонным" подлежащим является подлежащее непереходного глагола, которое соединяет в себе все приоритетные свойства по причине своей единственности: других актантов при подлежащем непереходного глагола либо вовсе нет, либо они столь низкого статуса, что на роль носителей приоритетных свойств никак не претендуют. Сравним свойства всех других "прототипических" актантов с эталонным подлежащим. Очевидно, что по признаку падежа (номинатив) и согласования с финитным глаголом все три типа подлежащих объединяются с эталонным подлежащим, но отличаются от прямого дополнения, которое оформляется аккузативом, и глагол с ним не согласуется. Однако согласование адъективных групп в творительном падеже по числу и роду уже дает другой результат: прилагательные, за исключением нескольких (*первый, последний, следующий...*), могут согласовываться со всеми прототипическими актантами, кроме подлежащего переходного глагола: *Они считали, называли, помнили и т.д. его талантливым (*талантливыми)*. Селекция актантов по категории числа при глаголах множественного действия, опять-таки, за исключением некоторых лексем с индивидуальными свойствами (*перепробовать*), не может контролироваться переходным подлежащим: *Гости перебили тарелки (*тарелку)*. Что касается контроля рефлексивизации, то устойчивее всего он со стороны переходного подлежащего, непереходное подлежащее может утрачивать его в пользу экспериментальной именной группы (*Эта рассеянность мне в себе не нравилась*), см. подробно об этом [48]. Еще слабее контроль со стороны подлежащего при страдательном залоге (*Этот дворец был построен султаном для своей/его наложницы //для себя/*него*). Контроль референции нулевого актанта деепричастия в деепричастном обороте обычно недопустим (по крайней мере, стилистически) со стороны пассивного подлежащего (**Оказав сопротивление, преступник был убит*). Непереходное и пассивное подлежащие часто утрачивают контроль нулевого актанта инфинитивных оборотов – как с союзом *чтобы*, так и без него, подробный анализ см. в [49]. Синтаксическое сокращение в русском языке последовательно и строго аккузативно и контролируется тремя прототипическими подлежащими, но не прямым дополнением (*Мальчик ударил девочку и убежал/*убежала*). Переходное подлежащее, и только оно, не может трансформироваться в родительный при отрицании (**Его не придет ответ*) и в выражение: *по + именная группа* в дистрибутивном значении: (**Каждую рукопись читает по редактору*).

Итак, поведение одинаково оформленных именительным падежом "прототипических" подлежащих оказывается неоднородным: разбиение признакового прост-

ранства не оправдывает принятое деление "прототипических" актантов на две группы – подлежащих и не-подлежащих. Скорее можно было бы считать оправданным разделение всех прототипических актантов на переходное подлежащее, с одной стороны, и все остальные, с другой.

Еще более сложной является признаковая характеристика не "прототипических" подлежащих (*А царица хохотать*), а также нулевых актантов; необходимость введения последних ясна из того, что без них правила контроля безнадежно запутываются: если не постулировать нулевое подлежащее, например, в причастном обороте *Я вижу девочку_i, рассматривающую себя в зеркале*, окажется, что рефлексив *себя* контролируется прямым дополнением *девочку_i*⁶. Для каждого непрототипического актанта отмечается, совпадает либо не совпадает его поведение с соответствующим прототипическим. Так, из общей суммы из 11 релевантных свойств именная группа в дативе в предложениях типа *Не догнать тебе бешеной тройки* разделяет с прототипическим подлежащим *Ты не догонишь бешеную тройку* 6 признаков полностью и один частично; родительный при отрицании (*Ответа не пришло*) имеет 4 релевантных признака; экспериенцер (*Мне холодно, жаль, видно, хочется...*) имеет всего лишь 3 прототипических свойства.

Козинский считает, что на фоне этого хаоса, создаваемого в результате последовательного применения многофакторного подхода, более привлекателен предложенный им ранее в диссертации метод работы с категориями, имеющими как понятийную, так и формальную сторону (см. публикуемый ниже отрывок "Опыт универсального определения..."). Решающим фактором для объединения именных групп в номинативе, выступающих при переходных и непереходных глаголах в действительном и страдательном залогах, является не сходство их грамматических свойств вообще, а только тех из этих свойств, которые обнаруживают высокую статистическую корреляцию с их основным прагматико-коммуникативным свойством "быть темой в наиболее частотных и системно значимых типах предложений данного языка существенно чаще, чем любой другой актант". Это свойство лежит в основе универсального операционного определения подлежащего, на подробностях которого мы здесь не можем останавливаться. В соответствии с этим определением признаки именительного падежа, согласования с финитным глаголом и контроля сочинительного сокращения действительно оказываются в русском языке свойственными подлежащему. Многофакторный подход в русском языке выделяет не подлежащее, а сущность, которую можно назвать "грамматически привилегированным актантом": например, в предложении *Не догнать тебе бешеную тройку* таким актантом является *тройку* (имеет 5 приоритетных свойств против 3 у *тебе*). Актант, который в некотором типе предложений является типичной темой, Козинский предложил называть "субъектом", – в соответствии с реальной практикой терминологического употребления этого слова в грамматической литературе на русском языке. Например, в предложении *Мне холодно мне* – субъект, но не подлежащее и не грамматически привилегированный актант.

Первое впечатление, которое производит работа Козинского о русском подлежащем – полный разгром многофакторного подхода и неадекватность наиболее популярных в типологии взглядов на природу синтаксических отношений. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что многофакторный подход не столь уж безнадежен: из 11 учитываемых признаков грамматического приоритета примерно

⁶ "Нулевой актант" у И.Ш. Козинского – строго таксономическое понятие, восходящее к И.А. Мельчуку [50] и отличается поэтому от "фонологически пустых категорий" в порождающей грамматике, которые могут выступать как результаты применения правил преобразования синтаксической структуры. Несмотря на то, что Козинский считал абсурдными описательные трактовки в порождающей грамматике, выводившие все многообразие синтаксических свойств актантов из их лексических либо структурных характеристик, аргументация в пользу существования скрытых категорий у него и в порождающей грамматике во многом совпадает.

половина является универсальными или, по крайней мере, приложимыми к большому числу языков (падеж, согласование, рефлексивизация, сочинительное сокращение, контроль инфинитива, номинализация), а другая половина, такие, как согласование адъективных групп в творительном падеже, трансформируемость в дистрибутивную форму, в родительный при отрицании и т.п. специфичны для русского языка (часто – и для других славянских). Если принять в расчет лишь характеристики, принадлежащие к универсальной грамматике, многофакторный подход в русском языке дает вполне удовлетворительный результат, т.е. выделяет примерно то же, что и традиционные определения подлежащего. Наоборот, углубляясь в специфические приоритетные характеристики русского языка, мы обнаруживаем, что они действительно не сгруппированы вокруг какой-либо приоритетной категории. Современные работы по русскому подлежащему, выполненные в русле порождающей грамматики, показывают, что Козинский неудачно отождествил в одной "эталонной" категории непереходного подлежащего актанты глаголов действия и глаголов состояния⁷. Развивая применительно к русскому языку популярную в современном генеративизме и заимствованную из реляционной грамматики идею unaccusative subjects (т.е. таких подлежащих некоторых – в основном, пациентных, – непереходных глаголов, которые в базовой структуре занимают ту же позицию, что и прямое дополнение) [51; 52], Д. Песецкий [53] показал, что только они, но не все подлежащие при непереходных глаголах, разделяют часть свойств прямых дополнений, – например, могут быть выражены родительным при отрицании: ср. *Студентов не прибавилось*, но: **Студентов не играло*, или группой с предлогом *по* в дистрибутивном значении: *На каждом столе стояло по бутылке*, ср.: **На каждой дорожке бежало по бегуну*.

Несмотря на эти недостатки, статья о русском подлежащем должна была сыграть ключевую роль в дискуссиях о природе синтаксических отношений (но, разумеется, не сыграла ввиду труднодоступности публикации и языкового барьера; впрочем, в 1983 г., при тогдашней ситуации в лингвистике, считалось удачей опубликовать ее даже в виде препринта). Эксплицитность метода, образцовая полнота в сборе фактов и концептуальная ясность, свойственная этой работе, могли бы задать необходимый уровень для дальнейшей дискуссии. Читая только что опубликованную статью такого авторитета, как У. Фоли [54], посвященную проблеме синтаксических отношений в папуасском языке йимас, трудно подавить в себе чувство горечи. Отмечая, что йимас не предоставляет ясных и единых критериев для выделения грамматических отношений (т.е. подлежащего и дополнений) в рамках какой-либо из существующих теорий, Фоли видит в этом "предостережение от слишком поспешных заключений о синтаксической организации языка исходя из поведения определенных конструкций. Это поведение может попросту отражать семантику конкретных конструкций и не содержать данных для определения основной синтаксической ориентации языка" [54, с. 170–171]. Фоли вряд ли подозревает, что в слепом ротапринте 1983 г., вышедшем крошечным тиражом на русском языке и нигде не переизданном, убедительно показано, что сколько угодно примеров подобного "поведения" можно обнаружить и ближе Новой Гвинеи...

5. Залоговые и результативные конструкции. После выхода в свет одной из наиболее значительных работ ленинградской школы, посвященной типологии результативов [55], И.Ш. Козинский заинтересовался рядом нерешенных и даже загадочных вопросов, которые не смогла охватить глубокая и тонкая теория результативов В.П. Недякова и С.Е. Яхонтова. Сформулировав ряд интересующих его проблем в рецензии на эту монографию [56], он затем принял участие в ее расширенном издании на английском языке [57]. Раздел, написанный Козинским – замечательный пример объяснительной типологии, особенно выигрывающий на фоне преимущественно описательной установки, характерной для ленинградской типологической школы (да и отечественной лингвистики в целом). И.Ш. Козинский последовательно выделяет

⁷ На этот факт мое внимание обратила Н.Ю. Кондрашова.

четырнадцать проблем, возникающих тогда, когда теория неверно предсказывает языковые факты, связанные с результатами, и предлагает свои объяснения для некоторых из этих проблем.

Результативом, по Недялкову и Яхонтову, является грамматическая категория со значением состояния, образованная регулярным способом от глаголов со значением действия, способного приводить к такому состоянию. Козинский смог придать определениям В.П. Недялкова и С.Е. Яхонтова более отчетливую форму, выделив в них два логически независимых признака: 1) стательность, т.е. семантическая характеристика, которая обнаруживается, например, в способности сочетаться со стательными наречиями типа *все еще* и 2) наличие тривиального результата, т.е. такого, который выводится из лексического значения глагола. Оба признака отличают результатив от перфекта: перфект не сочетается со стательными обстоятельствами и допускает наличие любого, а не только тривиального, результата. Благодаря такому уточнению Козинскому удалось объяснить факт более частого совпадения результата по форме с производным стативом, а не с перфектом. Желая показать независимость этих двух признаков, он приводит интересный, хотя и не бесспорный материал; кроме того, он предложил иерархию образования результативов, связав в единую цепь ограничения на глаголы, от которых результатив может образовываться. Заслуживает упоминания также открытие им "вдвойне предельных" глаголов, т.е. таких, результативная форма от которых обозначает одновременно состояние субъекта и состояние объекта, и анализ имперфективных результативов типа *Туман обволакивает город* (о взглядах Козинского на результатив см. также в [58]).

Универсальные определения залогов, предложенные Козинским, интересны тем, что они не парадигматичны, т.е. в отличие от большинства других определений, апеллируют не к парам предложений типа "актив/пассив", а определяют пассив и другие залоговые конструкции независимо от их парадигматических коррелятов. Так, все типы моделей управления, где пациенс совпадает с темой не реже, чем агенс, и при этом чаще, чем любой другой актанта, относятся к группе моделей управления страдательного залога [1, с. 73]. При наличии дополнительных значений, выражаемых только страдательным залогом (как это имеет место в салишских или полинезийских языках), для правильной идентификации необходимо выяснить, сохраняет ли эта конструкция основную функцию этого залога, а именно особый вид корреляции актантов с категориями актуального членения. Сравнивая формы подлежащего в страдательном залоге, агентивного дополнения и подлежащего при непереходном глаголе, И.Ш. Козинский установил основные структурные типы пассива и выдвинул ряд связанных с ними универсалий. В [39] ему удалось показать эффективность своего подхода к залогом при исследовании диахронических процессов.

Распределение залоговых конструкций по статистическим корреляциям входящих в них именных групп с коммуникативными статусами получило дальнейшее развитие (разумеется, и в этом случае независимо от И.Ш. Козинского) в работах Т. Гивона и его школы [59], причем критерии, введенные Гивоном для выяснения коммуникативных свойств входящих в залоговые конструкции актантов, во многом параллельны тем критериям, которые были предложены в [1] и [39].

В этой статье удалось отразить лишь часть того богатства идей, которое обнаруживается в опубликованных и неопубликованных работах И.Ш. Козинского и которыми он делился в личном общении. За рамками нашего рассмотрения остались его взгляды на морфологическую типологию, на типологию частей речи и семантические основания частеречной классификации (краткое изложение его точки зрения см. в [60]), неопубликованная работа о понятиях согласования, управления и примыкания, состав нулевых категорий в русском синтаксисе [2], типологическая верификация реконструкций и многое другое. Некоторые универсалии, обоснованные Козинским в [1], затрагивали весьма интересные проблемы, которые, насколько я знаю, больше нигде не поднимались, но ждут дальнейшего исследования: связь

основных надежных форм с функцией оstenсивного определения (изолированного на- зывания предмета; впрочем, эта проблема впоследствии заинтересовала И.А. Мельчу- ка [29]); выражение обстоятельств времени и места синтаксической формой аккуза- тива; связь между характером согласовательной парадигмы в глаголе и выбором контролера согласования и др.

* * *

Вероятно, в заключение необходимо вкратце сказать о том, почему имя И.Ш. Ко- зинского остается донныне неизвестным большинству типологов в нашей стране и за рубежом, а его главная работа [1] до сих пор не опубликована.

В 1970–80-х гг. типология считалась у нас весьма популярной и престижной областью языкознания. При этом методическое и тематическое разнообразие того, что называлось "типологией", было весьма велико. Такое разнообразие можно было бы только приветствовать, если бы оно не осложнялось тем, что разные авторы обладали неодинаковыми представлениями о современном научном уровне. Доста- точно упомянуть, например, что тезисы Козинского не были приняты на типоло- гическую секцию III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языко- знания "Типы языковых общностей и методы их изучения" в 1984 г. По мнению рецензентов, тезисы были посвящены "конкретным явлениям" и не годились для теоретического форума. Как с горькой иронией говорил сам Козинский: "Большой ученый – это такой, который может обойтись без доски и мела; к сожалению, я – небольшой ученый".

Другая, более серьезная и содержательная, трудность заключалась в том, что подход Козинского был в силу разных причин чуждым для ряда авторитетных специалистов. Как раз в те годы некоторые ведущие типологи усомнились в адек- ватности аналитического и классификационного подхода и отказались от требования, согласно которому все используемые понятия должны обладать суммой необходимых и достаточных свойств [61; 62]. Эта методологическая проблема заслуживает, конечно, отдельного разговора. Еще меньше точек соприкосновения было у И.Ш. Козинского с исследователями, которые стремились развивать направление, основанное И.И. Ме- щаниновым, – для него, как и для других лингвистов, продолжавших (в конечном счете) традиции русской формальной школы⁸, были неприемлемы идеи, цели и методы мешаниновской "парадигмы" [63]. Тем не менее, хорошее взаимопонимание сложилось у И.Ш. Козинского с лингвистами-типологами, работавшими в Институте востоковедения, а в последние годы он активно сотрудничал с ленинградской типологической школой, основанной А.А. Холодовичем, аксиоматика и методологические принципы которой были ему близки. Его последние работы по антипассиву и проблеме "удвоения" синтаксических ролей созданы в соавторстве с М.С. Полинской, во многом благодаря ей доведены до конца и опубликованы [4–6].

Судьба И.Ш. Козинского показывает, к сожалению, сколь несправедливо большое значение для ученого имеет способность привлечь внимание к своим идеям и к своей личности. Особенное значение это качество приобретает в той ситуации, когда при наборе научных сотрудников руководствуются соображениями, не имеющими отношения к науке. В результате за двадцать лет научной деятельности, будучи в своей области одним из ведущих специалистов в мире, он не проработал ни дня в лингвистическом научном учреждении, обладая безупречной манерой чтения лекций – прочитал в течение жизни единственный небольшой курс по типологии для студентов (неофициально, бесплатно и вне вузовских стен), а вопрос о включении его работ в издательские планы, насколько известно, никогда всерьез не ставился. Мне кажется генерь, что сам он всегда с каким-то ужасом относился к необходимости искать

⁸ Совершенно очевидно, что взгляды И.Ш. Козинского на грамматику сформировались под влиянием одного из ответвлений этой традиции, представленного именами Н.Н. Дурново и А.А. Зализняка.

поддержки со стороны людей, которым были в лучшем случае безразличны и он сам, и его работа. Он чувствовал себя уверенно лишь среди друзей и коллег, которые знали ему цену и любили его, и необходимость выйти за пределы этого круга всякий раз была для него мучительна.

Представление его диссертации во время защиты было неудачным, и даже сочувственно настроенная часть аудитории не смогла достаточно ясно понять, в чем содержание работы. Оказавшись в центре не слишком доброжелательного внимания со стороны людей, которым казалась дикой сама идея исследования на материале 300 языков, он явно изнемогал, вяло отвечал на критические замечания и выглядел растерянным и подавленным; создавалось впечатление, что он хотел лишь скорейшего окончания этого заседания – с каким угодно результатом. Хотя исход голосования оказался положительным, ему до конца жизни так и не удалось найти для себя официально признанного места в академической среде. Трудно сомневаться в том, что эта профессиональная неустроенность, наряду с трагическими семейными обстоятельствами, подорвала его здоровье и способствовала ранней кончине.

Все это, конечно, лишь мои предположения и впечатления, однако бесспорным является то, что работа выдающегося ученого осталась незамеченной и вовремя не оцененной большинством его коллег. Настоящая публикация – попытка, пусть и запоздалая, в какой-то степени отдать этот долг⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козинский И.Ш. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.
2. Козинский И.Ш. О категории "подлежащее" в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
3. Kozinsky I.Sh. Resultatives: results and discussion // Typology of resultative constructions / Ed. by Nedjalkov V.P. Amsterdam, 1988.
4. Kozinsky I.Sh., Nedjalkov V.P., Polinskaja M.S. Antipassive in Chukchee: oblique object, object incorporation, zero object // Passive and voice / Ed. by Shibatani M. Amsterdam, 1988.
5. Polinsky M., Kozinsky I. Ditransitive constructions in Kinyarwanda: coding conflict or syntactic doubling? // Papers from the 28-th Regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1992.
6. Kozinsky I., Polinsky M. Causee and patient in the causative of transitive: coding conflict or doubling of grammatical relations? // Causatives and transitivity / Ed. by Comrie B., Polinsky M. Amsterdam, 1993.
7. Dryer M.S. Object-verb order and adjective-noun order: dispelling a myth // Lingua. 1988. V. 74. № 1.
8. Dryer M.S. Greenbergian word order correlations // Language, 1992. V. 68. № 1.
9. Hawkins J.C. A parsing theory of word order universals // Linguistic Inquiry. 1990. V. 21. № 2.
10. Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar // Language. 1986. V. 62. № 1.
11. Bybee J. Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
12. Проблемы грамматического моделирования / Под ред. Зализняка А.А. М., 1973.
13. Полинская М.С. Порядок слов "объект – субъект – глагол" // ВЯ, 1989. № 2.
14. Polinsky M.S. Object-initiality: OSV // Linguistics, 1989. V. 27. № 2.
15. Гринберг Дж., Озгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
16. Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965. С. 12, 179.
17. Серебренников Б.А. О лингвистических универсалиях // ВЯ. 1972. № 2.
18. Козинский И.Ш. К вопросу об исключениях из лингвистических универсалий // Лингвистическая типология / Под. ред. Солнцева В.М., Вардуля И.Ф. М., 1985.
19. Закс Л. Статистическое оценивание. М., 1976. С. 338–341, 443–444.
20. Naroll R. Galton's problem // A handbook of method in cultural anthropology / Ed. by Naroll R., Cohen R. N.-Y., 1973.
21. Dryer M.S. Large linguistic areas and language sampling // Studies in language, 1989. V. 13. № 2.
22. Perkins R.D. Statistical techniques for determining language sample size // Studies in language. 1989. V. 13. № 2.
23. Rijkhoff J., Bakker D., Hengeveld K., Kahrel P. A method of language sampling // Studies in language. 1993. V. 17. № 1.

⁹ Я признателен В.П. Недялкову, М.С. Полинской и В.А. Плунгяну за весьма ценные замечания, которые по мере возможности учтены; все неточности и ошибки принадлежат исключительно автору.

24. Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
25. Dahlstrom A. Agent-patient languages and split case marking systems // Berkeley linguistic society. 9-th annual meeting. 1983.
26. DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns // Language. 1981. V. 57. № 3.
27. Dixon R.M.W. Ergativity // Language. 1979. V. 55. № 1.
28. Wierzbicka A. Case marking and human nature // Australian journal of linguistics. 1981. V. 1. № 1.
29. Мельчук И.А. Еще раз к вопросу об эргативной конструкции // ВЯ. 1991. № 4.
30. Blake B.J. Case marking in Australian languages. Canberra, 1979.
31. Mel'čuk I.A. Studies in dependency syntax. Ann Arbor. 1979. P. 33–46.
32. Mel'čuk I.A. Dependency syntax: theory and practice. Albany. 1988. Chapter 4.
33. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages / Ed. by Dixon R.M.W. Canberra, 1976.
34. Козинский И.Ш. Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений // Теория и типология местоимений / Под ред. Вардуля И.Ф. М., 1980.
35. Comrie B. Ergativity // Syntactic typology / Ed. by Lehmann W.P. Austin; London, 1978.
36. Mallinson G., Blake B.J. Language typology. Cross-linguistic studies in syntax. Amsterdam, 1981.
37. Dixon R.M.W. The Dyirbal language of North Queensland. Cambridge. 1972.
38. Jake J. Why Dyirbal isn't ergative at all // Chicago linguistic society. 14-th regional meeting. 1978.
39. Козинский И.Ш., Соколовская Н.К. О соотношении актуального и синтаксического членения в синхронии и диахронии // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения / Под ред. Солнцева В.М. М., 1984.
40. Tomlin R. Basic word order: functional principles. L., 1986.
41. Hawkins J.A. Word order universals. N.-Y., 1983.
42. Siewierska A., Bakker D. The distribution of subject and object agreement and word order type//EUROTYP working papers. Theme group 2: Constituent Order. Working paper 6. Strasbourg, 1994.
43. Hawkins J.A., Gilligan G. Prefixing and suffixing universals in relation to basic word order // Papers in universal grammar: generative and typological approaches. Lingua special issue. 1988. V. 74. № 2/3.
44. Mithun M. The evolution of noun incorporation // Language. 1984. V. 60. № 4.
45. Bybee J.L., Pagliuca W., Perkins R.D. On the asymmetries in the affixation of grammatical material // Studies in typology and diachrony. Papers presented to Joseph H. Greenberg on his 75-th birthday / Ed. by Croft W., Denning K., Kemmer S. Amsterdam/Philadelphia. 1990.
46. Cutler A., Hawkins J.A., Gilligan G. The suffixing preference: a processing explanation // Linguistics, 1985. V. 23. № 5.
47. Keenan E.L. Towards a universal definition of "subject" // Subject and topic / Ed. by Li Ch. N.-Y. 1976 (русск. пер. в: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982).
48. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. Гл. 9.
49. Козинский И.Ш. Кореферентные связи инфинитивных оборотов в русском языке // Типология конструкций с предикатными актантами / Под ред. Храковского В.С. Л., 1985.
50. Мельчук И.А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог / Под ред. Холодовича А.А. Л. 1974.
51. Rosen C. The interface between semantic roles and initial grammatical relations // Studies in relational grammar / Ed. by Perlmutter D., Rosen C. V. 1. Chicago, 1984.
52. Burzio L. Italian syntax: a government binding approach. Dordrecht, 1986.
53. Pesetsky D. Paths and categories. Ph. D. dissertation. Cambridge (Mass.). 1982.
54. Foley W. The conceptual basis of grammatical relations // The role of theory in language description / Ed. by Foley W. Berlin – N.-Y., 1993.
55. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Под ред. Недялко-ва В.П. Л., 1983.
56. Козинский И.Ш. – ВЯ, 1985, № 5 – Рец.: Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
57. Typology of resultative constructions / Ed. by Nedjalkov V.P. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
58. Тестелец Я.Г. – ВЯ, 1991, № 4 – Рец.: Typology of resultative constructions. Amsterdam; Philadelphia. 1988.
59. Topic continuity in discourse / Ed. by Givón T. Amsterdam, 1983.
60. Тестелец Я.Г. Наблюдения над семантикой оппозиций "имя/глагол" и "существительное/прилагательное" // Части речи. Теория и типология / Под ред. Алпатов В.М. М., 1990.
61. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
62. Givón T. The pragmatics of word order: predictability, importance and attention // Studies in syntactic typology / Ed. by Hammond M., Moravcsik E., Wirth J. Amsterdam, 1988.
63. Климов Г.А. Типологические исследования в СССР. 20–40-е годы. М., 1981.